

ских трасс с развитой системой приема и обслуживания туристов; современных информационных систем, связанных с мировыми туристскими информационными системами; рекламной поддержки; законодательного и организационного обеспечения развития туристской отрасли. Поэтому, оптимистически оценивая перспективы развития въездного туризма в Беларуси, следует отметить, что от сегодняшнего состояния до эффективного использования имеющегося туристского потенциала следует пройти немалый путь.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ОБЕЛИСКИ: КЛАССИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

А. А. Костюкевич

Первые шаги в изучении древнеегипетских обелисков были сделаны в первой половине XIX в. европейскими экспедициями в Египте, занимавшимися, зачастую, просто фиксацией памятников как таковых. Зарисовки надписей на обелисках появляются в «Описании Египта» [1] – серии публикаций, изданных в 1809–1826 гг. по приказу Наполеона Бонапарта, после его «Египетской экспедиции» 1789–1801 гг. Известно, что когда Наполеон Бонапарт захватил Египет в 1798 г., его сопровождали более 160 ученых и естествоиспытателей. Члены этой группы, известной как Французская комиссия по изучению наук и искусств Египта, занялись проведением всеобъемлющего исследования археологии, топографии и естествознания страны. В 1802 г. по указу Наполеона находки, сделанные учеными этой комиссии, были опубликованы в монументальном, многотомном труде, в котором были собраны гравюры, карты, научные очерки и подробный алфавитный указатель. Публикация первого Имперского издания началась в 1809 г. Труд этот оказался настолько популярен, что в годы Бурбонской реставрации, в постнаполеоновскую эпоху, было выпущено его второе издание. Данное издание предоставляет наиболее ранние, дошедшие до нас, иллюстрации обелисков и иероглифических надписей на них, что позволяет проводить реконструкцию текста обелисков.

Затем обелиски фиксируются экспедицией Ж.-Ф. Шампольона (совместно с итальянским лингвистом И. Роселлини) 1828–1829 гг., материалы экспедиции были изданы в четырёх томах «Памятники Египта и Нубии» [2] в 1835–1845 гг.

Зарисовки обелисков мы находим также в труде немецкого ученого К.Р. Лепсиуса «Памятники из Египта и Эфиопии» [3], изданном в 1849–1859 гг. по результатам археологической экспедиции в Египте 1842–1845 гг.

Наиболее поздним каталогом египетских эпиграфических надписей, содержащим тексты обелисков, является фундаментальный труд немецкого египтолога К. Зете «Документы 18-й династии» [4], который был издан в 1906 г. в Лейпциге.

Основным недостатком данных каталогов является неполнота обзора всех сохранившихся артефактов, в том числе и обелисков. Помимо этого, все труды представляют собой собрание памятников эпиграфики и археологии по династическому принципу, что создает трудности для исследования одного конкретного вида источников, поскольку для его отбора приходится просматривать каждый каталог полностью.

Основные доступные собственно историографические работы по обелискам относятся к периоду кон. XIX - нач. XX вв. – так называемой «классической» историографии. В них дается достаточно подробное описание как предполагаемого значения обелисков, так и мест, авторов и способов их возведения.

Появление работ на эту тему в конце XIX в. связано, прежде всего, с установкой обелисков в трех крупнейших городах мира: Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Разумеется, появление подобных памятников вызвало большой интерес в обществе, и исследователи-египтологи стремились как можно полнее удовлетворить его.

Наиболее ранней работой, посвященной обелискам, является работа Ч. Мольденке «Нью-Йоркский обелиск: игла Клеопатры» [5], которая вышла в печати в 1891 г., т.е. по прошествии почти 10 лет с момента установки обелиска Тутмоса III из Гелиополя в Центральном парке в Нью-Йорке.

В работе отражена не только история нью-йоркского обелиска, но и всех известных на тот период обелисков. Однако, в отличие от всех остальных обелисков, нью-йоркская «игла Клеопатры» в данной монографии представлена с полным разбором, приведен иероглифический текст надписей с транслитерацией и переводом, причем в двух вариантах.

Наибольший интерес для нас представляет то, как понимал данный исследователь назначение обелисков. Этому вопросу он даже посвятил отдельную главу своей работы. В первую очередь, исследователя интересовало то значение, которое придавалось самими египтянами (в большей степени, очевидно, жрецами) этим сооружением, и ответ на свой вопрос он искал в значении формы обелиска [5, 26]. И конечно, в связи с этим, он рассматривал данные сооружения как часть солярного культа. Обелиск, по Мольденке, солярный символ, представляющий жизнь, в противоположность пирамиде – также солярному символу, обозначающему смерть. Однако все это сквозь призму мифологии, т.е. обелиск – это солнце во всех его дневных проявлениях: утреннее, полуденное, вечернее, а пирамида – это солнце, которое зашло, солнце ночью [5, 27].

По мнению Мольденке, солнце во всех его фазах представлено изображениями солярных божеств на обелисках. Так, утреннее солнце показано в виде божества Ра-Хор-Хути с головой сокола, на голове которого обвитый змеей солнечный диск [5, 28]. Солнце полудня – Хор, или Хор-Хути, по мнению Мольденке, изображалось также как и утреннее, только на голове у божества надета двойная корона [5, 29]. Солнце на закате (Атум), изображалось как божество, но с человеческой головой и в двойной короне [5, 29].

Обелиск у Мольденке – это не просто солярный символ, а символ жизненных циклов, их постоянного круговорота. И поскольку на всех обелисках конечной формульной надписью было пожелание жизни вечной, то вполне понятно, что обелиск отражал не просто жизнь как некий временной отрезок, а жизнь – как бесконечность, постоянное повторение всех фаз Солнца. И поскольку обелиск поставлен в честь солярного бога, он олицетворяет вечность этого бога, а вместе с ним и царя, как сына бога [5, 33–34]. Значение обелисков исследователь видит в прославлении царями своего имени, своего божественного происхождения, своего отца и культа Солнца в целом [5, 32].

Таким образом, понимание назначения обелисков у Мольденке целиком построено на мифологических представлениях древних египтян, на их восприятии времени сквозь религиозную призму.

Еще одним выдающимся исследователем, который посвятил целую монографию разработке проблемы понимания назначения обелисков, был английский востоковед, египтолог и филолог Эрнест Альфред Томпсон Уоллис Бадж¹. В своей книге «Иглы Клеопатры и другие египетские обелиски» [6], вышедшей в печати в 1926 году, исследователь дал подробное описание всех известных на тот момент обелисков, с переводами и комментариями к каждому обелиску. Кроме описания обелисков, Бадж дал широкую мифологическую картину древних египтян, вписав в нее обелиски, как элементы этой мифологической системы.

У Баджа, также как и у Мольденке, на первый план в интерпретации обелисков выходит солярный культ. Исследователь пишет, что обелиски – посвящены солнечным богам, установлены в их честь [6, 12], и, следовательно, являются элементами, в-первую очередь, религии. Он также связывает обелиски с культом камня в Древнем Египте [6, 1–5]. Свою концепцию он развивает из древнейших верований народов и племен Северной Африки, во многом опирается на этнографические исследова-

¹ Эрнест Альфред Томпсон Уоллис Бадж (1857 – 1934 гг.) – сотрудник Британского музея, автор многочисленных работ по истории Древнего Востока, в частности, ассириологии и египтологии, знал несколько древних языков, переводил древние письмена, ему принадлежит первый полный перевод так называемой египетской «Книга мертвых». Неоценим его вклад в египтологию, особенно его привлекала египетская религия, он создал учебник древнеегипетского языка для начинающих.

ния. Хотя, стоит, отметить, что и многие этнографы черпали идеи исследователя для своих трудов².

Бадж пишет о том, что камень как религиозный символ, предмет культа, – вполне египетская традиция [6, 3], этим самым он обосновывает свою идею назначения обелисков. Изначально, как для африканских, так и для семитских народов, камень – место пребывания бога, ему совершали подношения и просили о воздаянии за подношения [6, 3]. В камне, у древнейших племен региона, жили не только боги, но и предки, предки рода, племени [6, 2]. В этом случае подношения совершались для поддержания жизни. Таким образом, камень является элементом родового культа.

Исходя из этого, Бадж выводит происхождение обелисков в гробницах царей Раннего и Древнего царства в Египте. Каменная стела, зачастую просто камень прямоугольной формы, – дом для души, души умершего предка. Подобные сооружения еще в дописьменном Египте устанавливались в гробницах, с появлением же письма – они начинают подписываться начинают быть как бы «надгробными плитами» [6, 4]. Бадж приводит примеры использования обелископодобных каменных монументов в гробницах царей I, II, IV, VI династий. Он пишет о том, что этим монументам совершались подношения, т.е. они не только обозначали, чья душа покоится в месте установки обелиска, но и указывали место для подношений.

В поисках ответа на вопрос, откуда произошла сама форма обелиска, Бадж обращается к так называемому «Бен камню» – предмету поклонения жителей Гелиополя [6, 8]. Он пишет о том, что подобные фетиши были найдены в гробницах царей в Абидосе [6, 8]. И, конечно же, в связи с этим культом, он разбирает обелиск из солнечного храма в Абусире, построенного царями V династии. Бадж, описывая сооруженный на открытом дворе храма обелиск, подчеркивает его особое значение – как места принесения жертв богу Ра [6, 10] (или Атуму-Ра, верховному солярному божеству). Таким образом, абусирский обелиск – предмет культа Ра, являющийся объектом не только поклонения, но и ритуала жертвоприношения. Бадж описывает алтарь, на котором это действие совершалось, который находился на восточной стороне обелиска, и канала для стока крови с жертвенного стола с северной стороны обелиска [6, 10]. Конечно, подобная картина для рядового британца начала XX в. рисует сцены жестоких человеческих жертвоприношений, и относит людей, их совершавших, к дикарям.

² Так, Дж. Фрэнгер позаимствовал у Баджа для своей книги «Золотая ветвь» идею о происхождении культа Осириса, т.е. о том, что этот культ исконно африканского населения, а не некой «династической расы» Ф. Питри.

На самом деле, египетское государство при V династии – достаточно развитое общество с устоявшимся религиозным институтом, в котором не было человеческих жертвоприношений, и жертвенник абусирского храма вряд ли видел человеческую кровь – это было просто принесение в жертву животных, что абсолютно нормально подпадает под категорию дара богу. Это ключевой момент, который у Баджа вызывает сомнения в преемственности культа гробничных обелисков и культа «Бен-камня». Бадж склонен считать, что «Бен-камень» и обелиск, хоть и являются «солнечными камнями», но все-таки имеют под собой различную религиозную трактовку [6, 14]. Исследователь это обосновывает различиями в названии *bn* (абусирский обелиск) и *txn* (просто обелиск) [6, 13]. Однако, на наш взгляд, здесь имеет место более специфика мышления автора, который старается отделить «жестокий» абусирский культ от безобидного культа обелиска.

Однако нельзя не учитывать, что и обелиски гробниц, и обелиски соляных храмов, и, конечно же, абусирский обелиск – весьма похожи по своей форме: это вытянутый монолит, заканчивающийся пирамидальным верхом (пирамидионом «*bnbnt*»), и поэтому, символическое их значение одинаково. Собственно и религиозное также, что отмечает и Бадж, – это элементы соляного культа, будь то погребального, будь то прижизненного.

О символике обелиска Бадж говорит при описании абусирского его варианта. Наиболее главной частью обелиска является пирамидион (егип. *bnbnt*). По своему значению, по Баджу, – это место пребывания бога, либо просто души предка [6, 9]. Миф о происхождении этого элемента от названия птицы Бену Бадж опровергает тем, что культ Бену (*bn*) гораздо более поздний, нежели культ обелисков [6, 11]. Ствол обелиска Бадж определяет как специфическую столб-подставку для вознесения пирамидиона [6, 14], поскольку тот является местом пребывания бога, а боги пребывают на небе.

Общее значение для обелисков, Бадж определяет как памятников, которые были предназначены, для возрождения, для получения новой жизни, процветания и стабильности, для восстановления жизненных сил [6, 14].

Однако, наряду с этим, Бадж предложил и такую интерпретацию обелиска, как фаллический символ, т.е. культ Солнца в Гелиополе носил фаллический характер [6, 22]. Вероятнее всего, это предположение было сделано под влиянием весьма распространенной на тот момент версии масонов и иллюминатов о символическом значении обелисков.

В современной научной литературе проблема понимания назначения египетских обелисков если и затрагивается, то только вскользь. Эта тема

последний раз появлялась как отдельное научное исследование в 1978 г. в Лондоне, когда вышла книга выдающегося египтолога Л. Хабаши³ под названием «Обелиски Египта. небоскребы прошлого» [7].

Также как и его предшественники, Л. Хабаши делает основной упор на описании обелисков. Поддерживая традицию соотнесения обелисков с солярным культом, он не высказывает новых предположений об их значении.

С момента выхода в свет вышеуказанной книги до настоящего времени не вышло ни одной работы, посвященной обелискам. Информацию об этих сооружениях мы можем найти теперь только в энциклопедиях и справочниках, посвященных истории и культуре Древнего Египта.

В подобных изданиях обелиски традиционно называют солярными символами. Так, известный американский исследователь Й. Шоу в своем «Словаре Древнего Египта», пишет, что связь обелиска с культом солнца подчеркивается [8, 208]:

- формой обелиска, происходящей от древнего камня бенбен из храма солнечного бога в Гелиополе;
- предположительным происхождением египетского слова *txn* «обелиск» от слова *wbn* «светить»;
- фигурами павианов, вырезанными на базах обелисков, поскольку в египетской мифологии павиан – олицетворение солнечного бога Ра, так как это животное приветствовало восход солнца сильным гоготом [8, 208].

Отметим, что предположение Й. Шоу относительно происхождения слова *txn* «обелиск» от слова *wbn* «светить» не имеет под собой основы. Такое искажение звуков не могло иметь место в египетском языке, что доказывается филологическими изысканиями [9]. Здесь мы имеем место с неправильной трактовкой разбора происхождения слова обелиск еще У. Баджем, который писал, что возможно, слово *bmbnt* «пирамидион» произошло от слова *wbn* «светить» [8, 20], что вполне оправдано и допускается словообразованием египетского языка, происхождение же слова *txn* неизвестно. Хотя некоторые египтологи склонны переводить слово *txn* как «солнечный луч», следуя той же ошибке, которая допущена Й. Шоу. Подчеркнем, что обелиск никогда не обозначал солнечный луч, для это в египетском языке было отдельное определенное слово *stt*.

По поводу же последнего довода Шоу также возникают некоторые вопросы. Дело в том, что фигуры павианов присутствуют только на базе

³ Лабиб Хабаши (1906-1984) – выдающийся египтолог, отдавший 30 лет работе в Службе древностей Египта. Он закончил свою карьеру в должности старшего инспектора этой Службы и перешел на работу в Восточный Институт Чикагского Университета. Проводил много времени на раскопках как в Египте, так и в Нубии.

одного обелиска – обелиска Рамсеса II из Луксора [2, IV. CCCXX-CCCXXI].

Но, тем не менее, обелиски действительно представляют собой солярные символы. Некоторые же современные исследователи начинают приписывать им совершенно иные, иногда даже неожиданные функции.

Так, существует мнение о том, что «помимо представления обелиска с камнем бенбен на вершине в качестве первозданного холма или лестницы в Небо, существовало отождествление обелисков с Осью Мира, которая «протыкает» насквозь все три (или хотя бы два) мира Вселенной» [10]. Автор данного предположения считает, что «обелиск представляет собой швартовочный столб при переходе с реки одного мира на реку другого мира, и этим он представлен в небесном Дуате» [10].

Таким образом, очевидно, что существует проблема понимания назначения древнеегипетских обелисков в историографии и данная тематика для египтологических исследований вполне актуальна.

Литература

1. Description de l'Egypte. Néret Gilles. Köln, 1995/2002.
2. Champollion Jean-François. Monuments de l'Egypte et de la Nubie. Paris (France): Firmin Didot Frères, 1845. - [2], 7p., leaves CCCI-CCCCXLVI.
3. Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen. Berlin, 1849 – 1859. Tafelwerke, Abtl. II - III [Electronic resource]. - ULB-Halle, letzte Änderung 10/2004. Mode of access: <http://edoc3.bibliothek.uni-halle.de/lepsiuss>.
4. Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1906. Erster und Zweiter Band.
5. Moldenke, Charles E. The New York Obelisk. Cleopatra's Needle. New York, 1891.
6. Budge, Wallis E. A. Cleopatra's needles and other Egyptian obelisks. London, 1926.
7. Habachi L. The Obelisks of Egypt. Sky-scrapers of the past. London, 1977.
8. Nicholson P., Shaw I. The Dictionary of Ancient Egypt. The British Museum. The American University in Cairo Press, 2002.
9. Дьяконов И. М. Африка́йские языки. // Языки Азии и Африки. М., 1991. - Т. IV. Книга 2. С. 35–68.
10. Развитие представлений о мироустройстве и его результаты в древнеегипетской храмовой архитектуре Нового царства [Elect. resours]. Интернет-адрес: <http://egypt.boom.ru/egyptboom/polka/autor/05-15.htm>.

ТЭХНАЛОГІЯ ВЫТВОРЧАСЦІ ТЫТУНЁВЫХ ЛЮЛЕК, ЗНОЙДЗЕННЫХ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

П. С. Курловіч-Бяляўская

Тытунёвыя люлькі – гэта прыстасаванні для палення тытуню. Яны сутракаюцца ў сляях XVII – XIX стагоддзяў і з’яўляюцца частай знаходкай у гарадах, мястэчках, вёсках, сядзібах Беларусі. Традыцыйна сярод тытунёвых люлек вылучаюцца «галандскія», характэрныя для